Тайный Санта

Автор:
Триш Арнетьо

Тайный Санта

Триш Арнетьо

Tok. И не осталось никого

«Тайный Санта» – это захватывающая смесь герметичного детектива, психологического триллера и роскошной праздничной атмосферы, которая гарантирует, что от книги невозможно оторваться. История, рассказанная от лица нескольких участников рождественского вечера, закручивается в тугую спираль по мере повествования и не отпускает до самого конца. Каждый персонаж скрывает в себе часть загадки, так что на этой вечеринке вам точно не придется скучать!

На рождественской вечеринке фирмы по продаже недвижимости, принадлежащей Генри Кэлхуну и его жене Клодин, всегда играют в «Тайного Санту». Каждое Рождество сотрудники стараются перещеголять друг друга и принести самый экстравагантный подарок, чтобы похвастаться заработанной за год комиссией. Атмосфера накаляется больше обычного, потому что в этом году на празднике будет суперзвезда Зара. И Клодин полна решимости продать ей дом в Аспене.

Но вечеринка замирает, когда среди подарков находят странную статуэтку. Клодин и Генри понимают, что это ключ к их мрачному прошлому… Осталось выяснить, кто из коллег узнал их страшную тайну и чего он хочет.

Триш Арнетьо

Тайный Санта

Trish Harnetiaux

WHITE ELEPHANT

Copyright © 2019 by Simon & Schuster, Inc

Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© Атамалибекова Т.М., перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть 1

Приготовления к вечеринке

Клодин

К полуночи, пожалуй, снега выпадет целый фут, еще немного – и будет побит дневной рекорд Аспена сорокалетней давности. Никто не ожидал такой сильной метели. И как быстро намело! Ведь ни снежинки не было до двух часов дня.

Сидя под сушуаром, Клодин не видела, как за венецианскими окнами салона красоты падает снег. Она подула на пальцы со свежим французским маникюром, дотянулась до кремовой сумочки от «Шанель» и выудила оттуда список гостей, в котором не значилась ни она сама, ни Генри, ни шестеро их подчиненных.

Времени толком составить список у нее не было. Зара сообщила о своем приезде всего несколько дней назад. Учитывая это, а также праздничные дни в Аспене, когда светские календари у всех плотно забиты, Клодин все же удалось собрать надежных и уважаемых людей:

Капитан и миссис Тигельман

Кевин и Джерри

Братья Альпайн

Все – городские старожилы, все обаятельные, оригиналы. И у каждого, разумеется, свое предназначение. Тигельманы с восторгом опишут Заре оба дома, которые Клодин им продала, – и докажут, что Аспен, в отличие от Голливуда, не зациклен на молодости, что здесь можно стильно и с шиком стареть. Друг детства Генри Кевин и его муж Джерри продемонстрируют свою давнюю связь с городом и его толерантную, либеральную сторону. Наконец, братья Альпайн, Джек и Бобби, с их способностью часами рассуждать о том, как правильно обрабатывать дерево и при какой температуре плавить сталь, подчеркнут высокий профессионализм компании, сотрудничающей только с лучшими строительными фирмами.

Клодин могла пригласить и больше народу, но было бы ошибкой считать, что вечеринка в доме, набитом скучными миллионерами, скорее произведет впечатление на поп-звезду. Орава стартаперов, наводнивших город в последние десять лет, принесла с собой удивительную бездуховность и дурной вкус. Последний медленно, но верно разрушал бизнес «Кэлхун+Кэлхун». Технари-ботаники, всю жизнь пытавшиеся влиться в местное общество, были не способны оценить артистизм Генри, то особое видение, которое он привносил в свои архитектурные проекты. Он вкладывал душу и сердце в каждый дом – по крайней мере, до недавнего времени, пока не случился тот приступ несколько недель назад. Нет, толпа нуворишей хотела только одного: быть принятыми в ближний круг – эти скорее купят типовое блочное убожество (Стив как раз специализируется на таких), нежели позволят Клодин продать им истинный шедевр.

Сейчас Аспен кишит риелторами вроде Стива. Ни тебе благоразумия, ни вкуса. Лишь бы побыстрее продать первый попавшийся дом, обшитый досками. Подумать только, и ведь когда-то они вдвоем были единственными высококлассными агентами в городе. (И однажды, коротко – хотя и недостаточно коротко – их связывало нечто большее.) Агентства по продаже недвижимости теперь исчисляются десятками. Кризис загнал многих брокеров, раньше работавших в диапазоне средних цен, в люксовый сектор рынка, и благодаря интернету – всем этим зиллоу, трулиям, редфинам[1 - Zillow – онлайновая база данных недвижимости. Trulia – риелторский сайт, дочерняя компания Zillow. Redfin – онлайновое риелторское агентство.] – их становится все больше. Единственный способ выжить в такой ситуации – продать нечто грандиозное и за очень большие деньги.

А «Кэлхун+Кэлхун» именно что пытался выжить. Насколько все стало плохо? Да взять хотя бы этот салон. Много лет Клодин посещала «Лазер»[2 - Lather Salon – элитный парикмахерский салон в Аспене.], она была одной из первых клиенток у Джеффа. Ему единственному она доверяла заботу о своем коротком черном каре. Чрезмерно острый угол – и сразу начинало казаться, будто она отчаянно молодится, всеми силами стараясь не отстать от моды. Недостаточно острый – добавлял ей десяток лет, превращая в почтенную матрону. Здесь нужна была точность, а точность стоила денег. Которых сейчас у Клодин не было. Пришлось идти в эту дыру, где вместо успокаивающих бетховенских скрипок во всю орет очередной хит-парад, а вместо глянцевых, больших и толстых журналов европейской моды для чтения предлагаются дешевые, захватанные таблоиды из супермаркета.

На столике рядом с ее сушуаром их была целая пачка. Все это Клодин уже прочла. Такая же пачка лежала у нее на столе в офисе. Информация. На всех обложках была Зара. Давно немытые голубые пряди, небрежно собранные в пучок на затылке. Огромные темные очки, закрывающие глаза, без сомнения, опухшие от слез и недосыпа. И главный признак скорби у знаменитостей ее ранга – растянутые спортивные штаны.

ПОП-ПРИНЦЕССА ЗАРА ПОЕТ БЛЮЗ ПОСЛЕ РАЗРЫВА С ЛИАМОМ

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ ЗАРЫ – ПОДРОБНОСТИ ТРАГИЧЕСКОГО РАССТАВАНИЯ

ПОП-КОРОЛЕВА ЗАРА СПОСОБНА НА БЕЗУМНЫЙ ПОСТУПОК, ВОЛНУЮТСЯ ЕЕ ДРУЗЬЯ

Очевидно, имеется в виду идея купить дом в Аспене.

Разумеется, Клодин была в шоке от ее звонка. В шоке от того, что позвонила сама Зара, а не личный помощник. В шоке от того, что, будучи такой молодой, Зара все еще умела звонить. Молоденькие подчиненные Клодин пользовались исключительно эсэмэсками.

– Я обнаружила в Сети объявление о продаже Монтагю-хауса, – сказала Зара. Голос звучал нормально, ни следа того резкого фальцета, который собирал стадионы по всему миру и принес ей пятьдесят тысяч поклонников в «Инстаграме». – Я бы хотела прилететь и посмотреть дом в следующий четверг.

– Да, конечно, – сказала Клодин. – В этот день у нас в компании вечеринка, но я ее перенесу.

Клодин выдохнула с облегчением. Денег было так мало, что нынешняя вечеринка выходила уже гораздо скромнее предыдущих. Обычно она заказывала закуски и коктейли в лучших ресторанах города. В этом году в планах была еда навынос, спринг-роллы и тайские тефтельки. Даже стойка с Просекко, которое предлагалось разливать самостоятельно, казалась непозволительной роскошью.

– Пожалуйста, ничего не отменяйте! – воскликнула Зара. – Рождественская вечеринка – это же прекрасно. В Лос-Анджелесе праздник вообще не чувствуется. И мне сейчас было бы полезно оказаться снова среди людей. Что мне принести?

На секунду Клодин заколебалась – говорить ли Заре про «Тайного Санту». Она могла бы просто все отменить. Ее сотрудники будут только счастливы. Она знала, с какой тоской они каждый год ждут обязательного обмена подарками. Для большинства людей эта игра была чистым развлечением. Дешевые, шуточные подарочки не дороже двадцати долларов. Главная цель – рассмешить гостей. Наградить самых находчивых. У Клодин же все было по-другому. Ценовых ограничений не было, и сотрудникам всякий раз приходилось покупать дорогие подарки, чтобы продемонстрировать начальству, насколько прилежно

они трудились и сколько получили комиссионных. Для Клодин цель игры состояла в том, чтобы спровоцировать среди подчиненных зависть, ревность – и подстегнуть соперничество. Она и так всех держала в постоянном страхе, а учитывая Зару, в этом году «Тайный Санта» заставит ее команду просто из кожи вон лезть, чтобы произвести впечатление на хозяйку.

– Ой, обожаю игры на вечеринках! – сказала Зара. – А можно все устроить прямо там, в доме? Развлекать людей – это мой конек, и было бы здорово увидеть дом, наполненный людьми.

Тут возникали некоторые сложности. Разумеется, дом был свободен. Дело было не в этом. Мистер и миссис Лайонс – первые и единственные владельцы – уже переехали в Скоттсдейл. И даже мебель пока еще стояла на месте. Перевозчики должны были появиться после праздников. Но перенос вечеринки из офиса в Монтагю-хаус означал, что Клодин придется сделать ее куда более экстравагантной. Еда. Цветы. Пианист станет приятным дополнением, тем более что у Лайонсов имелся роскошный черный «Стейнвей». Придется позвать еще несколько человек, чтобы заполнить пространство. И пригласительные. Пусть и неформальный, но правильный званый вечер предполагает правильные пригласительные. Клодин была готова к определенным компромиссам, но только не тогда, когда дело касалось этикета.

Самой большой проблемой был Генри. Он просто обезумел, когда она согласилась продать этот дом. Конечно, он ничего не сказал. Генри вообще мало говорил. Говорила всегда она, продавала всегда она. Генри выражал себя в дизайне. И все же вряд ли это было совпадением, когда спустя пару дней после того, как она сообщила ему, что Лайонсы попросили ее продать Монтагю-хаус, он оказался в больнице. Она знала, что за чувства разворошило в нем одно только упоминание этого дома. Если бы дела шли не так плохо, она бы и сама не посмела, попросила бы Лайонсов найти другого брокера. Но такой роскоши они себе позволить не могли. Они вообще не могли сейчас кому-либо отказывать. По крайней мере, это был один из «своих» домов. Если положение компании не улучшится, вскоре Клодин придется заняться домами, которые Генри не проектировал.

Но взять на себя продажу – это одно. Попросить Генри прийти на вечеринку в Монтагю-хаус – совсем другое. Он не был там с тех пор, как закончилось строительство и они передали ключи Лайонсам. Он избегал этот дом, выбирая длинные объездные пути, лишь бы не видеть даже краешка участка. Вернуться

туда через столько лет, снова войти в эти большие дубовые двери и попасть в мраморное фойе, в прошлое… кто знает, какой эффект это может на него произвести?

Что ж, всего через несколько часов это станет понятно. Она не просила Генри прийти. Просто сообщила ему, что он идет. Он был нужен ей там, чтобы продать дом. Никто не мог показать Заре самые укромные уголки дома лучше, чем человек, который его спроектировал. Кроме того, их агентство называлось «Кэлхун+Кэлхун». Разумеется, Зара обидится, если только один Кэлхун соблаговолит явиться на вечеринку.

Переоценить значение сегодняшнего вечера было невозможно. Потенциально он мог изменить все. Продажа Монтагю-хауса такой знаменитости, как Зара, закрепила бы за Клодин славу самого эксклюзивного агента, навсегда поставив ее впереди Стива. Только представить себе, сколько она получит запросов. Лавину звонков и имейлов. Взлет популярности в социальных сетях. Сейчас у них было что-то около трех тысяч подписчиков. А сколько прибавится после одной-единственной фотографии Монтагю-хауса с тегом на «Кэлхун+Кэлхун» у Зары в «Инстаграме»? Пятьдесят тысяч? Сто тысяч? Господи, а что, если Зара сделает селфи вместе с Клодин и опубликует его? Что она делает в этом паршивом салоне? И что изменит лишняя пара сотен долларов на ее и так просроченном счету в «Американ-экспресс»?

Клодин убрала список гостей обратно в сумочку и взяла один из журналов, намереваясь выучить еще пару подробностей о Заре и ее недавнем разрыве с обильно татуированным готом-рокером Лиамом Локом.

«Один из наиболее животрепещущих вопросов – кто получит опекунство над Пип, очаровательной чау-чау, которую Зара и Лиам взяли из приюта вскоре после того, как начали встречаться».

Клодин надеялась, что опекунство достанется ему. Она ненавидела собак. Не хватало еще, чтобы этот меховой мячик носился по дому, линял на все что можно и писал по углам.

Приходилось признать, было во всем этом что-то поэтическое. Зара, очевидно, надеялась, что Монтагю-хаус станет новой главой в ее жизни, свежим стартом – так же как когда-то для Клодин. Те пять акров земли спасли ее, запустили ее жизнь по совершенно другой траектории. И теперь, спустя много лет, они послужат той же цели для Зары.

Клодин глянула на свои часики «Картье Танк Англез» – без четверти три. Встреча с поставщиком закусок была назначена в Монтагю-хаусе на пять вечера. На ланч времени уже не оставалось. Не то чтобы она в принципе собиралась обедать. Она вообще почти ничего не ела в последние дни – нужно было влезть в кожаные брюки от «Баленсиага». После салона она забежит в офис проверить готовность подчиненных, переодеться и забрать подарок для «Тайного Санты». За все годы игры это был, пожалуй, лучший подарок, который она когда-либо выбирала. Не самый дорогой, но способный вызвать наибольшее количество ахов.

Клодин швырнула журнал обратно на столик, снова дотянулась до сумки и достала оттуда тонкий деревянный пригласительный билет. Сделан из древесины, оставшейся после прошлогодних лесных пожаров возле Базальта, с рельефными золотыми буквами.

Обмен подарками «Тайный Санта»: ровно в 7 вечера.

По краям было что-то вроде праздничной рамки цвета спелой клюквы. Позже, когда репортеры расспрашивали гостей, пытаясь восстановить в хронологическом порядке события той ночи, капитан Тигельман признал, что им следовало бы с самого начала знать, что дело нечисто. Даже пригласительный выглядел так, словно с него капает кровь.

Зара

Я хочу сразу официально заявить, что это не я принесла тот подарок на вечеринку. Я точно не могла этого сделать. Взгляните на факты: я вообще только прилетела в тот день. Никого из гостей я никогда не встречала раньше, и

я даже не знала, что это за игра такая – «Тайный Санта», – пока Клодин мне не рассказала. Конечно, естественно, я тоже принесла подарок, мы все принесли, таковы правила. Но тот подарок принесла точно не я. И нечего тут думать.

Понимаете, для меня это было стремное время, еще до всех событий той ночи. Я только-только рассталась с Лиамом. Мы были вместе шесть месяцев. Мой личный рекорд. Никто даже не думал, что мы продержимся так долго. Мне было двадцать три. Ему – тридцать четыре. Я в детстве снималась в диснеевских телефильмах, и в результате стала суперзвездой в мире поп-музыки. Он был эпатажным рокером, учеником самого Мэрилина Мэнсона, и его бойкотировали религиозные консерваторы. У меня не было ни одной татуировки. У него их было тридцать две. Тридцать три, если считать ту, с моим именем, что он сделал себе на левом бицепсе. Хотя я видела, недавно он превратил его в Заратустру. Это, кажется, книжка такая, а написал ее какой-то депрессивный старикан-философ. Так что теперь, наверное, у него их уже тридцать четыре?

В общем, как бы там ни было, люди все неправильно про Лиама понимают. Вот эта вся фигня про Князя тьмы и все такое – это просто фишка у него такая, ага. Да, я так и сказала. Игра. Он считает это «искусством перевоплощения». Поэтому я и говорю – фишка. Потому что на самом деле он конченый придурок, и даже мысль о том, что я могу его разозлить, радует меня несказанно. Да он понятия не имеет, что такое настоящее искусство перевоплощения. На самом-то деле.

А в жизни он вполне себе приземленный чувак. Любит кататься при луне по Пасифик-Кост-Хайвей, болеть за «Доджерс», есть индийскую еду и спасать брошенных собак. У него уже было два питбуля к тому моменту, когда мы решили взять Пип. Его была идея. Он думал, будет так прикольно: он в своем инфернальном гриме и жутких контактных линзах, в ботинках на каблуках выгуливает такую маленькую пушистенькую чау-чау. Я иногда думаю – не по этой ли самой причине он и за мной стал ухаживать. Может, в шутку или по приколу? Смотрите все, как дьявол соблазняет прекрасного маленького ангелочка. Должна признаться, отчасти меня поэтому и тянуло к нему – в начале. Я устала от того, что все меня считали пай-девочкой. Я и волосы в голубой из-за этого покрасила. Хотела как-то встряхнуться. Но не важно, как оно все началось, потому что чувства были настоящими. И произошло это очень быстро. Большинство романов в Голливуде – чисто рекламные трюки. Но только не мы. Я в этом уверена. И Лиам вам скажет то же самое, если вы его спросите.

Для этого, правда, вам придется выманить его из дома. Все же сценический образ у него определенно возник не на пустом месте. Чувак реально живет как вампир. Глухие шторы. Днем спит. И вконец помешался на убийстве Джонбенет Рэмси[3 - Джонбенет (ДжиБи) Патрисия Рэмси (англ. JonBenet Patricia Ramsey) (1990–1996) – победительница детских конкурсов красоты в США, была убита в 1996 году в возрасте шести лет. Несмотря на многочисленные версии и домыслы, убийца или убийцы Рэмси так и не были найдены.]. Ну это вы и так, конечно, знаете. Видели гигантскую татуировку у него на спине, от лопатки до лопатки – ее улыбающееся личико. Ага, знаю-знаю, что вы скажете, – может быть, поэтому он и обратил на тебя внимание, Зара? Юная, невинная блондиночка. Уж поверьте, это была моя первая мысль, когда он подкатил ко мне тогда, на вечеринке после банкета в честь «Грэмми» в «Шато-Мармон». Я ему так и заявила. Я уже порядком набралась, стояла такая, прижимая к груди статуэтку за лучший альбом года, и прямо в лицо ему выдала: «Даже и не мечтай о том, чтобы попробовать осуществить со мной свои психованные, некрофильские фантазии, извращенец!» Он захохотал сначала. Видимо, не ожидал от меня такой наглости. А потом посерьезнел. Сказал, что его интерес к ДжиБи вообще не имеет ничего общего с сексуальными фантазиями. Для него она олицетворяла невинность мира и то, какими бесчувственными, безжалостными, жестокими и злобными могут быть люди. И чудовищная несправедливость в ее деле, ведь убийцу так и не поймали, и это просто отвратительно.

Он меня удивил. Я почти ничего не знала об этом убийстве. Ну то есть откуда мне? Мне и года-то не было, когда все это случилось. Вроде бы кого-то когда-то посадили за это в тюрьму. Лиам сказал, что мне нужно приехать к нему домой, в Малибу. Сказал, что у него есть домашний кинотеатр и мы до рассвета могли бы смотреть документальные фильмы о ДжиБи. Типа это будет важным вкладом в мое образование.

– Смахивает на романтическое первое свидание, – сказала я.

Он снова засмеялся.

– Первое свидание, говоришь? – отвечает. – В таком случае у меня есть идея получше.

Игра «Доджерс», затем индийский ресторанчик, затем залитая луной дорога к его дому в Малибу. Но никаких документалок про ДжиБи. О них не было сказано

ни слова до тех пор, пока я сама не попросила его, мы с ним были к тому моменту вместе уже месяца четыре. А он ни разу не вспомнил. Мне хочется думать, это оттого, что наши отношения немного возродили его веру в человечество, и он стал больше размышлять про наше будущее, нежели про прошлое какой-то убитой девочки. Но мне было любопытно. Мы не то чтобы часто проводили вместе ночи – я уже говорила, у него расписание было, как у Лестата[4 - Леста?т де Лионку?р – персонаж из серии романов Энн Райс. Вампир, главный герой большинства «Вампирских хроник».], – но, когда мы таки спали вместе, как он ни повернется на бок – на меня вечно пялится ДжиБи своими оленьими глазищами. Что же все-таки с тобой случилось? Я должна была выяснить.

Чудовищная ошибка.

У Лиама оказалась целая коллекция документальных видео про ДжиБи. Ну то есть десятки видеокассет. (Ему пришлось объяснять мне, что такое видеокассета. Я никогда про них не слышала. Восьмидесятые – чудно?е время такое.) В большинстве своем это были банальные телерасследования, которые показывают по субботам. Мы отсмотрели их все. У нас у обоих случился перерыв в концертах и турах, так что делать нам было особо нечего. А для Лиама это было настоящее исследование. Он собирался написать грандиозный концептуальный альбом по мотивам жизни ДжиБи, и выйти он должен был 25 декабря 2021 года – в двадцать пятую годовщину ее смерти. Он относился к этому альбому как к делу своей жизни, считал, что именно он определит всю его карьеру и утвердит его творческое наследие. Он не собирался его анонсировать. Хотел выпустить ночью и удивить фанатов. «Так же как убийца удивил Джонбенет», – признался он мне и потребовал, чтобы я поклялась, что никому не скажу. Упс.

Чем больше мы смотрели, тем больше я убеждалась, что причастен кто-то из семьи. Лиама бесили мои предположения, он считал, что это сделал кто-то со стороны. Мы спорили часами, и каждый все больше убеждался в собственной правоте.

– А как же отчет о вскрытии?

– Забудь про него. Тут все дело в звонке 911.

– Ок, а что тогда делать с запиской о выкупе?

– А что с ней делать? Ясно же, что это фальшивка.

– След ботинка.

– Три слова: подонок Берк Рэмси[5 - Берк Рэмси – старший брат Джонбенет.].

И так до бесконечности. Мы просто не могли остановиться. Не знаю почему. Это было так глупо. Мы злились друг на друга, начинали кричать, и тогда оба питбуля поднимали лай, а за ними начинала захлебываться Пип – до тех пор, пока один из нас не подхватывал ее на руки и не выбегал из комнаты. Такие вспышки у нас были частым делом.

А потом я получила эсэмэс.

Зара, я боюсь, так у нас ничего не получится. Я благодарен тебе за время, которое мы провели вместе, но я не могу оставаться с человеком, который интерпретирует дело ДжиБи так, как это делаешь ты. Пип пусть остается с тобой, это будет правильно.

Представляете? Чуваку ничего не стоит раздеться догола на глазах у 30-тысячной толпы и пустить себе кровь прямо на сцене, но ему не хватает яиц расстаться со мной лично. Врать не буду – я была абсолютно раздавлена. Я перестала мыться. А если мне нужно было выползти куда-нибудь из бунгало, которое я снимала в Санта-Монике (чего я старалась всячески избегать), я просто натягивала спортивные штаны, а грязные волосы кое-как собирала в пучок… Я сидела взаперти и смотрела документальные видео про другие расследования. Это было что-то вроде очищения. Я хотела выкинуть образ ДжиБи из головы насовсем и решила, что лучший способ этого добиться – забить мозг образами других чудовищных преступлений. Звучит стремно, я знаю. Но я же говорю, я не очень тогда соображала. Для меня вообще в то время мало что имело смысл.

Когда я не смотрела «Расследования» на «Дискавери», или, там, «48 часов», или «Дату», я штудировала «Нетфликс» и «Эйч-Би-О» – любые документальные расследования, все, что могла найти. Моим фаворитом был сериал «Власть, привилегии и правосудие». В 2000-х вышло девять сезонов, и в тот момент по «Тру-ТВ» как раз шли повторы. Ведущим там был такой стильный журналист из «Вэнити Фэйр», звали его Доминик Данн, и в основном они рассказывали про преступления, связанные со знаменитостями, такими, как братья Менендес[6 - Братья Эрик и Лайл Менендес – в 1989 году застрелили своих родителей, Хосе и Китти Менендес, смотревших телевизор в своем особняке в Беверли-Хиллз. Поначалу братьев, которым на тот момент было 18 и 21 год, в совершении преступления никто не подозревал. Расследование зашло в тупик. Но затем Эрик признался своему психологу в совершении убийства. Об этом признании узнал Лайл и стал угрожать психологу расправой, если тот заговорит. Психолог, в свою очередь, рассказал об угрозах своей сожительнице, а та сообщила в полицию.] и Эндрю Кьюненен[7 - Эндрю Филлип Кьюненен – серийный убийца, жертвой которого стал в том числе модельер Джанни Версаче.]. Но попадались и совершенно неизвестные, про которые я вовсе никогда не слышала.

Именно так я впервые узнала про Клодин Лонже. И именно поэтому я в итоге отправилась в Аспен к другой Клодин. Моей Клодин.

И Генри. Царство ему небесное.

Генри

После больницы прошло три недели. Лучше ему не стало.

Он выключил воду в душе, завернулся в полотенце и кулаком протер окошко на запотевшем зеркале, чтобы увидеть свое отражение. Откинутые назад мокрые полуседые волосы. Он плохо спал в последнее время. Темные круги под глазами напоминали синяки. Клодин это не нравилось. Она даже оставила ему тюбик своего тонального крема на туалетном столике. Он выдавил немного себе на тыльную сторону ладони и пальцами замазал синеву.

Клодин, как всегда, рациональная до предела, отнесла свою смену одежды для вечеринки в офис, а он решил зайти домой, чтобы переодеться. Он надеялся, что

полуденный душ прибавит ему немного сил, поможет сосредоточиться. Не тут-то было. Он просто вымок.

Зачем она заставляет его снова переживать все это?

Она нарушила их негласный договор, длившийся двадцать лет, даже не предупредив его. Они только-только пришли в ресторан, он придержал для нее дверь – и тут она сообщила ему, что позвонили Лайонсы и попросили продать Монтагю-хаус и она согласилась. Так обыденно. Как ни в чем не бывало. Словно какой-то пустяк. В тот момент, когда она произнесла слова, он почувствовал, как ему сдавило грудную клетку. У них был ужин с клиентами – семейной парой Флиннов – в сезонном «Нобу», открывшемся в отеле «Сен-Реджис». Это должна была быть их крупнейшая сделка за последний год, даже больше, речь шла о восьмимиллионном шале в окрестностях Баттермилка. Клодин взяла с собой документы и планировала, что они подпишут контракт во время десерта. Но Генри до десерта не дотянул. Он почти не слышал, что говорилось за закусками, пытаясь осмыслить то, что она ему только что сказала.

Зачем она так? Разве он не делал все, что она просила? Его проекты становились лучше год от года, он был в курсе новейших строительных технологий, слыл адептом экологической архитектуры, что, впрочем, совершенно не портило красоты его зданий. Клодин продавала его как увлеченного, но в то же время практичного дизайнера, который возводит свои дома в сотрудничестве с «Братьями Альпайн». Именно это выделяло «Кэлхун+Кэлхун» на фоне остальных агентств по продаже недвижимости в Аспене. Клиентам импонировал энтузиазм Генри. Им нравилось встречаться с ним, нравилось общаться с таким талантливым архитектором. Он все это ненавидел. Презирал светские беседы, терпеть не мог пустую болтовню. То, как Клодин выставляла его напоказ. Ему претила необходимость присутствовать на тоскливых ужинах, типа этого с Флиннами. Но позволил ли он себе хоть раз на что-нибудь пожаловаться? Отказаться? Ни в личной жизни, ни на работе – никогда. Клодин не хотела детей и просто не выносила домашних животных. Хорошо. Пусть будет так. Он любил ее. А она разве его не любила? Но если так, как она могла вернуть Монтагю-хаус обратно в их жизнь? Он знал, что дела шли не очень, но это ставило под угрозу вообще все, могло полностью разрушить то хрупкое душевное равновесие, на достижение которого ушли годы. Оно и было их самым впечатляющим строением. Ложь. Их ложь была сложнее и запутаннее, чем самый замысловатый дом, который он построил. И сейчас Клодин рисковала спалить все дотла, испепелив и их самих заодно.

Ему стало трудно дышать. В левой руке началось покалывание. Официант принес блюда, и последнее, что Генри успел заметить, – потрясающе длинные ресницы Клодин, ее сомкнутые веки, когда она моргнула.

– Генри? – Ее голос прозвучал издалека.

И темнота.

Когда он пришел в себя, над ним уже стояли парамедики, а сам он лежал на полу, посреди остатков еды и разбитых тарелок. Флиннов уже не было. Пустой взгляд Клодин. Взгляд, полный разочарования. Она не села с ним в машину «Скорой помощи». И вообще, навестила его лишь на следующее утро. Сказала, что пыталась спасти сделку. Не удалось. Сцена, которую он устроил, все испортила. Он не удивился. Аспен есть Аспен. Главное – держать лицо.

– У тебя даже инфаркта нет, – сказала она резко.

И в болезни он сплоховал. Она стояла над его кроватью, не потрудившись снять пальто. Он знал, что она хотела как можно скорее уйти. Клодин была не в состоянии вынести столько немощи и слабости, столько напоминаний о том, что и она тоже смертна.

– Это просто стресс. Обыкновенная паническая атака. С тобой все хорошо.

– Нет, нехорошо, – сказал Генри. – Ты знаешь, что нехорошо. Уже давно.

Вот и весь разговор. И все равно сказано было больше, чем когда-либо на эту тему.

Она выложила на кровать одежду, в которой хотела его видеть вечером. Зеленый бархатный пиджак и черный галстук-бабочку. Он подошел к шкафу и выбрал вместо этого черную кашемировую водолазку – маленький акт неповиновения. Всем своим существом он был против похода на званый вечер. Она поклялась ему, после того как они продали дом Лайонсам, много лет назад, что ему никогда больше не придется возвращаться в Монтагю-хаус. Она лгала не первый раз, подумал он вдруг. Нет, не совсем так. Она никогда не лгала ему

про Стива. В этом не было нужды. Генри никогда не спрашивал ее про ту связь.

Вместо этого он начал пить. Прошло двадцать три года с тех пор, как он завязал. Если бы он мог выпить прямо сейчас! Просто чтобы набраться мужества снова войти в этот дом. А может быть, так и надо. Может быть, именно это ему и было нужно. Может быть, это станет очищением. Увидеть лестницу, люстру, все детали интерьера, которые он с таким вниманием выбирал и придумывал, – может быть, они помогут ему наконец вспомнить, что же на самом деле случилось той ночью, когда они подъехали к коттеджу, после чего он и отключился. Это было самое худшее. Он ничего не помнил. Все, что у него было, – репортажи в газетах и версия Клодин. А больше ничего. Абсолютный вакуум. Все эти годы ему приходилось полагаться на собственное воображение, и может быть, то, что случилось на самом деле, было не так страшно, как он себе навоображал. Хуже быть точно не могло.

Да, возможно, возвращение в Монтагю-хаус будет ответом. Все остальное он уже испробовал. Входил в состав местного отделения некоммерческой благотворительной организации «Жилье для человечества». Вел архитектурный клуб для старшеклассников в одной из неблагополучных школ. Но сколько бы он ни занимался благотворительностью, его не отпускало чувство вины. Единственное, чего он так и не попробовал, – признаться. Но этого он сделать не мог. Перевалить на кого-то его тяжкую ношу было бы верхом эгоизма. Он сломал достаточно жизней. Но что еще важнее, признаться значило бы упомянуть об участии Клодин. А она ведь просто пыталась помочь. Старалась его защитить. И он готов был страдать, чтобы не пришлось ей. Тайна не позволяла ему обратиться и в сообщество Анонимных Алкоголиков. «Шаг 5: признали перед Богом, собой и каким-либо другим человеком истинную природу наших заблуждений»[8 - Имеется в виду программа «12 шагов», описанная в книге «Анонимные алкоголики» и написанная первыми членами сообщества Анонимных Алкоголиков.]. Первые два – без проблем. Но перед другим человеком? Невозможно.

Он добрел до гостиной и остановил взгляд на черно-белой свадебной фотографии, висевшей над камином. Это было будто в другой жизни. Оба хохочут, не глядя в камеру. Она запрокинула голову, глаза закрыты. У нее тогда были длинные, кудрявые волосы. Он держится за живот, лицо смеющееся, глаза тоже закрыты, голова нашла временный приют у нее на плече. Что там было такого смешного? Он что-то сказал или она? Еще одно потерянное воспоминание.

Было еще одно возможное решение проблемы, до сих пор не испробованное. Оно пришло ему в голову, пока он лежал в больнице. Такое очевидное. Трудно поверить, что он не додумался до этого раньше. Продать бизнес. Или даже не продавать. Просто бросить. Просто однажды не прийти в офис. Уехать из Аспена. Из Колорадо. Черт возьми, вообще из страны. Тысячи дней не смогли ему помочь. Так может, тысячи миль смогут. Они с Клодин в новом пейзаже, с новыми людьми, с новой жизнью. Они могли бы сбавить темп, отдохнуть. Разве не это рекомендовал врач? В этом и заключается чертово искусство старения. В последнее время в офисе он столько часов проводил в обществе Джулс, что тридцать лет разницы, разделявшие их, не могли не бросаться ему в глаза. Мягкое свечение ее молодой кожи, не изуродованной годами борьбы с внутренними демонами. Но убедить Клодин будет тяжело. Она отказывалась признавать, что они стареют, отрезала свои длинные кудри и обзавелась упругим каре, и каждую неделю теперь выпивала по бутылке коллагена. Ясное дело, она и не собиралась на пенсию. Все это мучение с поп-звездой лишь доказывало, как одержимо она пыталась поправить дела. Аспен и их бизнес не просто определяли личность Клодин, они были ее судьбой. Генри знал, что она все воспринимала именно так. Ей пришлось – чтобы оправдать то, что случилось.

Он сделал попытку осуществить свой план утром. Как он предполагал, так и получилось.

– Почему бы нам не уехать куда-нибудь?

– Ты же знаешь, мы сейчас не можем позволить себе отпуск.

– Я не имею в виду отпуск. Я имею в виду – навсегда. Уехать из Аспена.

– Соберись, Генри. Ты мне нужен сегодня вечером.

Почему он не мог сказать ей то, что действительно хотел? Помоги мне, Клодин. Ты спасла меня однажды. Мне нужно, чтобы ты снова спасла меня – в последний раз.

– И не забудь свой подарок для «Тайного Санты», – сказала она перед тем, как уйти в офис.

Эта тупая игра. То, как она ее использовала, чтобы подхлестнуть соперничество среди подчиненных и сохранить свое превосходство. Генри всегда ее ненавидел, а сейчас, после больницы, по-настоящему испугавшись за свою жизнь и осознав, что на самом деле важно, а что нет, – особенно. Напоминание про «Тайного Санту» еще больше укрепило его в желании бросить все и сбежать. Да, уговорить Клодин будет непросто. Но выбора нет. Ему придется доказать ей это. Он взял подарок, вышел из дома и направился в офис. В этом году он в последний раз вытянет себе номерок. Он даже не представлял, насколько был прав.

Зара

Как же получилось, что гибель Спайдера Сабича в Аспене от руки красавицы-француженки, певицы Клодин Лонже, была совершенно забыта? Не было ни подкастов, ни упоминаний в «Американской истории преступлений»[9 - «Американская история преступлений» (англ. American Crime Story) – американский криминальный сериал-антология, основанный на реальных событиях. Райан Мерфи – сценарист, режиссер и продюсер.] Райана Мерфи. Только одна серия из «Власти, привилегий и правосудия», которую я посмотрела раз пять. Ну и заваруха у них там была – город, полный кинозвезд и миллиардеров, жемчугов и вечеринок. Кокаиновые дорожки. Слухи о проблемах в их отношениях. Дневник, не приобщенный к делу. Невероятно. Давайте я вам обрисую картину.

На дворе 70-е. Спайдер Сабич (настоящее имя – Владимир) – золотой мальчик, одаренный лыжник с золотыми кудрями и обезоруживающей улыбкой. Сексуальный, быстрый, бесстрашный. Экс-чемпион мира и олимпиец. Он влюбляется в Клодин Лонже, красавицу-парижанку, которая в свое время переехала в Америку, чтобы стать актрисой. И начинала она танцовщицей в Вегасе. В общем, Лонже там познакомилась и вскоре вышла замуж за Энди Уильямса. Уильямс тогда был суперпопулярен – такой консервативный вариант Синатры. У него было что-то вроде телешоу, а больше всего его любили за рождественские альбомы. В итоге он помог Клодин начать собственную сольную карьеру. Она выпустила несколько альбомов, и там у нее есть такие меланхоличные, воздушные каверы песен «Роллинг Стоунз», Джони Митчелл и

«Бич Бойз»… Похоже на то, что Нико делала с «Вельвет Андерграунд» или Брижит Бардо с композициями Сержа Генсбура. Клодин была такая же роскошная и модная – короткие юбки, высокие сапоги… Но, может быть, из-за того что она была женой довольно-таки пуританского Энди Уильямса, она так и не достигла того же уровня славы.

У них с Уильямсом было трое детей, и они были женаты тринадцать лет, а потом, в середине семидесятых, развелись. И тогда она познакомилась со Спайдером. Переехала с детьми в его дом в Аспене. Казалось, она получила второй шанс на настоящую любовь, но обернулось все трагедией. Однажды вечером, все дети были дома, Спайдер был застрелен из точной копии пистолета времен Второй мировой войны. Это реальный факт. Клодин говорила, это была чудовищная случайность. Она просто показывала ему пистолет, а тот выстрелил. Ее обвинили в непредумышленном убийстве, и судебный процесс тут же стал главной новостью страны. Обложка журнала «Пипл» и все такое. Энди Уильямс находился все время рядом, сопровождал ее на судебные заседания. «Она сейчас очень во мне нуждается, – сказал он в интервью журналу. – И я буду поддерживать ее, насколько смогу». О Спайдере он отзывался очень хорошо. Однако. Ходили упорные слухи. Вроде бы Спайдер собирался завершить роман, и в последнее время их отношения были далеко не безоблачными. Полиция даже конфисковала ее дневник, который предположительно содержал немало подробностей, выставлявших Клодин не в лучшем свете. Дневник просто сочился тревогой. Тем не менее суд отказался приобщить его к делу, и в итоге четырехдневный процесс завершился обвинением в убийстве по неосторожности, Клодин приговорили к штрафу в двадцать пять долларов и к тридцати дням тюремного заключения, которое она могла отбыть, когда ей будет удобно.

Я прочитала о суде все, что смогла. Раздобыла на «иБей» копию того самого номера «Пипл» и даже подписалась на «Нью-Йорк таймс», чтобы получить доступ к их цифровому архиву. Очень мне не хотелось платить им деньги, потому что их рецензия на мой последний альбом – это вообще нечто, но я просто должна была узнать об этой женщине все, что возможно. Когда речь заходит об Аспене, на ум первым делом приходит старик Хантер Томпсон[10 - Ха?нтер Сто?ктон То?мпсон (1937–2005) – американский писатель и журналист, основатель гонзо-журналистики, наиболее известен как автор романа «Страх и отвращение в Лас-Вегасе».], который застрелился, и его пепел потом развеяли выстрелом из пушки, а также его пылкий дружбан, пират-Джонни[11 - Имеется в виду актер Джонни Депп, сыгравший капитана Джека-Воробья в «Пиратах Карибского моря» и действительно друживший с Томпсоном.], который – фу,

гадость – пытался однажды соблазнить меня в «Сохо-хаусе» в Лондоне. Но эти ребята просто меркнут по сравнению с Клодин Лонже. Она не только отбилась от обвинения в убийстве, но впоследствии еще и вышла замуж за одного из своих адвокатов. Вот это, я понимаю, гонзо![12 - Зара намекает на «гонзо-журналистику» (от англ. gonzo – «чокнутый», «рехнувшийся»), стиль, отличающийся весьма субъективной манерой повествования, ведущегося от первого лица.]

Но помимо этого пикантного момента про ее жизнь после суда больше не было практически никакой информации. Это потому, что семья Спайдера подала против нее гражданский иск. Они достигли внесудебного соглашения, по которому она впоследствии не имела права ни давать интервью, ни писать книгу об истории своей жизни (что само по себе трагедия).

Единственным местом, где я все еще могла слышать ее голос, были ее альбомы. Кое-что было на «Спотифай», но я нашла все ее пластинки и скупила их все. Я зажигала свечи и медленно танцевала под них на кухне на столе.

Больше всего мне нравилась Love in Blue. Слушать ее было все равно что осторожно разворачивать мой собственный экзистенциальный кризис, словно провизию на пикнике. Эта песня усмиряла боль от расставания с Лиамом. Я чувствовала себя менее одинокой. Я думала о Клодин, о том, что она все еще живет в Аспене, стареет там, и мне отчаянно захотелось быть там же. Мы были бы два идола вместе с ней.

Так что открыла я «Зиллоу», а сама такая: «Покажи мне, пожалуйста, мой новый дом в Аспене». Вот так я и нашла Монтагю-хаус.

Монтагю-хаус

Эксклюзивное предложение. Продают первые владельцы. Современное шале в швейцарском стиле, расположенное на вершине холма, предлагает роскошных семь спален и десять ванных комнат. Потрясающие панорамные виды на все четыре лыжных курорта и центр Аспена. Дом спроектирован известным архитектором. Открытая планировка. Любители искусства смогут по достоинству оценить бескрайние стены и сводчатые потолки. Окна от пола до

потолка. Экологичное здание, построенное в основном из местных материалов. Четыре камина. Бильярдная. Кинозал. Большой участок. Многоуровневые веранды. Джакузи на свежем воздухе. Несколько площадок с оборудованным кострищем. Идеально подойдет и любителям одиночества, и поклонникам развлечений. $18,995,000 | 15,000 кв. футов.

Фотографии были невероятные. Волшебные. И что самое важное, совершенно не похожие на все то, что сдается в аренду в Лос-Анджелесе. Ездить с гастролями – а я обычно именно этим и занимаюсь – означает быть не дома. Что означает – мало мебели. Мой дом был красив, но холоден. Пусть то, что я сейчас скажу, прозвучит нелепо, но этот Монтагю-хаус выглядел так, словно он мог обо мне позаботиться. Место, где можно скинуть обувь и просто бегать по комнатам, скользя по деревянным полам в пушистых носках. Да! Это совсем успокоит боль. Глядя на те фотографии, я поняла, что этот дом построила любящая рука. Мне тоже была нужна любящая рука. Я кликнула на кнопочку «соединиться с агентом».

И тут увидела, как зовут агента.

Клодин.

Ее звали Клодин Кэлхун. Я чуть не рехнулась. Яснее знака быть не могло. Я даже не стала ждать, пока придет моя помощница, позвонила сама. Все отлично складывалось. Я увижу дом, немного развлекусь в честь праздника и погружусь в Аспен. Я радовалась предстоящей игре в «Тайного Санту». Это звучало весело. Теперь оставалось только решить, что привезти.

Но, поверьте, это было не то.

* * *

Мятое письмо вытащили из кармана, чтобы перечитать.

За много лет три исписанные страницы столько раз складывали, что бумага совсем истончилась на сгибах. Несмотря на то что каждое слово давно отпечаталось в памяти, ее манера выводить букву S и робко перечеркнутые T

неизменно действовали успокаивающе. Сейчас это было нужнее, чем когда-либо. Спустя столько лет сегодняшний вечер наконец даст все ответы.

Любовь моя!

Я пишу это, сидя у маленького столика в гостиной. Ты на улице. Я вижу тебя на качелях. Невероятно, что тебе уже десять лет. Только вчера тебе исполнилось семь, и мы подарили тебе маленькую черепашку, а позавчера тебе было четыре, и мы слушали, как, стоя на стуле, ты читаешь стихи.

Сейчас 9 утра, на небе ни облачка, 74 градуса[13 - 74 градуса по шкале Фаренгейта, принятой в США, соответствует 23 градусам по Цельсию.], и через час, после завтрака, мы с тобой пойдем гулять по Саннисайд Трейл и будем собирать дикие цветы. Мне всегда нравился Аспен в начале лета. Это райское место. Мы живем хорошо. Ты счастливый ребенок. Никогда этого не забывай.

Надеюсь, то, что я скажу, не оглушит тебя и не покажется тебе слишком сентиментальным, но я должна рассказать тебе мою историю, пока я здесь. Ты многого не поймешь сейчас, поэтому я и записываю все – ты прочтешь это, когда станешь старше. Я должна все для тебя записать, прежде чем умру. Мне нелегко писать это слово. Последние пару недель – после томографии и поставленного мне диагноза – я все пыталась это принять. Невозможно. Я так сильно буду по тебе скучать! Я знаю, о тебе позаботятся. Твои тетя и дядя вырастят тебя как собственного ребенка. Это меня немного утешает. Но я все равно беспокоюсь. Ничего не могу с собой поделать. Я твоя мать. Это моя работа. Я не волнуюсь за себя. Я не боюсь смерти. Я достаточно долго жила в страхе. Но я не боюсь умирать. И я не стану тратить попусту время, отпущенное мне.

Важно рассказать тебе все. Будет тяжело. Этого может оказаться недостаточно. То, что я скажу, ничего уже не изменит, не добавит новой информации, которой стоило бы поделиться с полицией (ты увидишь, я тогда пыталась), но это и твоя история тоже. И она останется с тобой навсегда. Сегодня мы с тобой – всего лишь забытая справка в деле, так что тебе придется решать, что со всем этим делать. Я пишу это письмо как твоя мать, потому что ты имеешь право узнать, кто ты есть и откуда, прежде чем на свете не останется никого, кто мог бы рассказать тебе правду.

Послышались чьи-то шаги. Письмо аккуратно сложили и спрятали обратно в карман.

Зара

Я хотела съездить одна, но мой менеджер настоял на том, чтобы я взяла с собой хотя бы одного телохранителя. Сопровождать меня вызвался Дейв, поскольку приближались праздники, а у остальных у всех – семьи. Он хороший телохранитель, и вид у него соответствующий. Почти 7 футов росту, носит только заказные темные костюмы, покупает их в одном из тех специальных магазинов, где продают одежду больших размеров. Я видела однажды, в прошлом году, на фестивале «Коачелла», как он загребал по два человека в каждую руку, когда я пела на главной сцене и вдруг рухнул барьер. Но вы поймите, пожалуйста, даже если он и поехал со мной, я все равно считала это путешествием в одиночку, шагом к выздоровлению и новым открытиям. Но вот от чего Дейв точно не мог меня спасти, так это если бы наш самолетик таки врезался в гору. Что было вполне себе реально. Турбулентность началась в тот момент, как мы взлетели в Лос-Анджелесе, и не прекращалась ни на минуту. Где-то в середине полета я услышала, как Дейв бормочет что-то вроде молитвы.

– Ты в порядке? – спрашиваю.

– Я вообще-то автобусы предпочитаю, – говорит. – Не самолеты.

К счастью, с нами была Пип для оказания эмоциональной поддержки. Лучшая в мире чау-чау, очередное доказательство тому, что собаки – единственный вариант, если вы хотите настоящей дружбы. Кажется, ее турбулентность не смущала вообще. Она просто свернулась у меня на груди в своем слинге и стала лизать меня в лицо. Я съела лишний «Ксанакс», но все равно не смогла заснуть. Слишком трясло.

Никто меня не предупредил, что аэропорт в Аспене (он же – аэропорт округа Питкин) – это крохотная, дрянная полоска земли, зажатая между Скалистыми горами. Самолеты, похоже, садятся «на слабо» – как подростки «на слабо» целуются в кладовке, – изнывая от страха и желая втайне, чтобы все побыстрее закончилось. Когда мы наконец приземлились, пилотам хлопали громче, чем

артистам на премьере «Гамильтона»[14 - Знаменитый мюзикл о жизни государственного деятеля Александра Гамильтона, одного из отцов-основателей США.]. (Кстати, надо бы написать эсэмэсочку Лину[15 - Лин-Мануэль Миранда – композитор, певец, актер, драматург. Автор мюзикла «Гамильтон».]. Он такой милый, писал мне, интересовался, как у меня дела после разрыва, но я тогда не хотела ни с кем про это разговаривать.) Позже, на вечеринке, Тигельман сообщил мне, что аэропорт обычно отменяет до трети всех рейсов из соображений безопасности, и удивительно, как я вообще прорвалась, учитывая погодные условия. Охренеть.

В своих турне я следую за солнцем. Как правило, я просто перелетаю с одного летнего фестиваля на другой – по всему миру. Так что со снегом у меня отношения не сложились. И я просто не знала, нормально ли это, что в Аспене снежинки размером с ладонь. Судя по тому, как все носились туда-сюда, я так поняла, что не очень. И еще я поняла, что снегопад был реально очень сильный. Зато Пип была счастлива. Она считала, что снежинки можно жевать, как игрушки, и все пыталась цапнуть их на лету.

Оделась я совершенно не по погоде. В чем меня сразу убедили местные женщины. За короткий проход по аэропорту я насчитала три пары меховых сапог от «Джимми Чу», два пуховика от «Пуччи» и дюжину лыжных комбинезонов. А я-то, конечно, приняла душ для разнообразия и даже надела джинсы вместо постразрывных спортивных штанов, но самое близкое к теплым сапогам, что у меня было, – кроссовки «Эйр-Форс 1», и как только мы вышли на улицу, ноги сразу промокли. К счастью, нам с Дейвом не пришлось далеко идти. «Эскалейд», который он взял в аренду, ждал нас прямо у выхода.

Я написала Клодин: «Приземлились. Мы с Пип едем прямо в отель «Джером». Умираю хочу коктейль с джином. Увидимся в шесть. Оххо».

Клодин

Клодин дернулась в кресле, когда запищал телефон. Отлично, Зара прилетела.

По ее распоряжению все в офисе агентства «Кэлхун+Кэлхун» было ослепительно-белым. Кирпичные стены, выкрашенные белой краской, белые

висячие лампы, длинные белые столы с белыми мисками, полными маленьких белых шоколадок, каждая завернута в отдельный белый фантик. После недолгих переговоров с хозяином здания – хотя в ее случае это была лишь видимость переговоров, потому что мало кто мог ей отказать, – Клодин получила разрешение выкрасить в белый цвет даже роскошные полы из широких дубовых досок. Сотрудникам было велено не загромождать рабочие столы, одежду вешать в шкаф, а если они хотели есть, делать это исключительно в кухне. Чистота превыше всего.

Подчиненные понимали – Клодин хотела, чтобы, входя в офис, клиенты могли спроецировать собственное видение на девственно-чистые поверхности. Их личные холсты. Минималистская атмосфера офиса должна была вдохновлять. Те же, кто хорошо знал Клодин, знали и другую причину для выбора белой концепции – минимализм как стиль проще всего защитить. Он был достаточно абстрактен, чтобы о нем свободно рассуждать, приятен и продвинутым, и традиционным клиентам. Показывая дома, Клодин руководствовалась теми же принципами. Большинство агентов привыкли оформлять пространство, стараясь воссоздать ощущение комфорта, – в надежде, что клиент в результате почувствует себя дома. Но не Клодин. Она предпочитала показывать пустые, лишенные мебели дома, позволяя потенциальному покупателю дать волю собственному воображению, а точнее, пустота позволяла ей навязать ему свое. В последнее время такой подход стал еще и вынужденной мерой – заполнить дом мебелью и прочими атрибутами уюта означало дополнительные расходы, которые агентство «Кэлхун+Кэлхун» не могло себе позволить.

Клодин вышла из своего кабинета и обратилась в белое пространство:

– Я жду вас всех.

Они окружили ее через несколько секунд. Глядя на полукруг внимательных лиц, Клодин испытывала гордость. Гордость, потому что она сама их выбрала. Главным образом она сама – и в какой-то степени Генри. Вместе они тщательно отобрали команду. Целенаправленно. Она очень мало делала без конкретной цели. Клодин понимала важность сбалансированной силы, наличие которой и составляло разницу между средне-успешным и бессовестно-успешным, суперприбыльным бизнесом. Каждый из сотрудников обладал уникальным талантом, который вносил заметный вклад в дело.

Рашида была слушательницей. Идеальным агентом для тех, кому психолог нужен не меньше, чем новый дом.

Луиза была специалистом по сбору данных. Она была профессиональным аналитиком и блестяще отслеживала последние веяния. До недавнего времени она трудилась в избирательном штабе Берни Сандерса[16 - Американский политик левого толка. Наряду с Хиллари Клинтон – один из главных претендентов на роль кандидата от Демократической партии на президентских выборах в США в 2016 году.]. Но прочитав однажды гарвардское исследование, в котором утверждалось, что продолжительность человеческой жизни в Колорадо намного больше, чем в Вашингтоне, она собрала чемоданы и подалась на запад.

Натали пришла из армейского резерва. Благодаря своей дотошности она отлично подходила для требовательных клиентов, привыкших во всем находить недостатки. Она угадывала их недовольство еще до того, как они что-либо замечали, и ловко убирала возможный источник раздражения с глаз долой.

Элис была ландшафтным экспертом – агент для тех, кого больше интересовал участок, нежели сам дом.

Джон специализировался на немолодых жертвах развода, тех, кого мужья (а порой жены) оставили ради юной модели и кто стремился вложить немалые отступные в место, не запятнанное изменой. Быть может, Джон не откажется переехать с ними за компанию, шутили они. Он смеялся, флиртовал – и не только, как подозревала Клодин, принимая во внимание непрерывную смену «Ролексов», «Омег» и «Тагов» у него на запястье. Продажи у Джона шли не особенно успешно. У всех остальных – тоже. В последнее время, по крайней мере.

Все знали, что компания переживает не лучшие времена, и Клодин понимала недоумение сотрудников, когда несколько месяцев назад она наняла Джулс. Своего инструктора по йоге. У Джулс не было никаких специальных обязанностей. Она стала офис-менеджером, заказывала ручки, стикеры и прочие канцтовары, выполняла самые разные поручения. Она отлично справлялась, и дела при ней, казалось, пошли более гладко. Агенты были счастливы, что им больше не нужно самим бегать за кофе. Никто не жаловался. Напрямую Клодин – разумеется, нет. Никогда. Между собой, однако, они, скорее всего, решили, что появление Джулс напрямую связано с частными занятиями йогой, которые она днем устраивала для Клодин в маленьком конференц-зале, которым никогда не

пользовались. Они, наверное, думали, что Клодин «приватизировала» Джулс, потому что та была замечательным инструктором, и еще важнее – чтобы не делиться ею с остальными риелторами в Аспене. И они не ошиблись в своих предположениях. Они хорошо знали своих начальников.

По крайней мере, одного из них. А вот Генри – не так чтобы очень. Клодин знала, они видели в нем загадочного художника – довольно милого, но застенчивого, малообщительного интроверта. Их обязанности не предполагали особого взаимодействия с ним. Недавно он перестроил офис и перенес свой кабинет на другой конец этажа от кабинета Клодин. Иногда сотрудники не видели его днями. С тех пор как Генри вернулся из больницы, он стал еще более замкнутым, и его старались беспокоить как можно меньше.

Все, кроме Джулс. У них с Генри был какой-то особый контакт. В течение нескольких недель до больницы и фиаско с Флиннами она часто оставалась в офисе допоздна, помогая ему с документами для проекта. Клодин удивлялась. Казалось, Джулс была не во вкусе Генри – полная противоположность ей самой. Мягкая, улыбающаяся и совершенно не стильная. Клодин не отрицала, что почувствовала легкий укол ревности – хотя, конечно, у Генри было право на измену, учитывая ее роман со Стивом. Но она знала, что Генри не станет ей изменять. Он предпочитал упиваться жалостью к себе и лицемерить, нежели предаваться мимолетным сексуальным увлечениям. И Клодин была этому рада, потому что именно жалость и ненависть к себе и делали его работу такой чертовски хорошей. Его дизайн подпитывался его терзаниями. Чем хуже он себя чувствовал, тем внимательнее к деталям он был. Творчество стало для него единственным выходом. Спасением. Особенно после того, как он бросил пить. Теперь, после больницы, все изменилось. Он больше не мог работать, совсем. И гораздо сильнее, чем ревность по поводу его отношений с Джулс, Клодин испытывала облегчение от того, что у Генри появилось новое отвлечение. Безобидный флирт, который поможет ему не скатиться в пропасть темных мыслей, что бродят в его бриллиантовой голове. А ведь он совершенно выпал из реальности. О чем он думал утром, предлагая уехать из Аспена навсегда? Абсурд какой-то. Говорит об этом именно сегодня, когда прилетела Зара и на кону судьба компании.

– Я еду в Монтагю-хаус немного пораньше, – заявила она агентам. – Вы все должны быть там как минимум за полчаса до начала. Это самый важный вечер в вашей жизни. Все – каждый мини-крабкейк, каждая импортная шоколадка, – все для того, чтобы эта сделка состоялась. Никогда, ни на секунду не забывайте, что

сегодняшний вечер именно ради этого. И пока Зара не попросит ключи от входной двери, ничего не закончено. Чего бы нам это ни стоило.

Делай все, что возможно, или безнадежно отстанешь. Один из многих советов, полученных ею от Стива. Это был хороший совет. А у него их было множество. Как провести безупречный день открытых дверей, как лучше всего польстить потенциальному клиенту, не целуя его в задницу, как отделить серьезного покупателя от тех, кто просто тратит ваше время на бессмысленные просмотры. В самом начале она была подобна рыбке-прилипале, что лепится к акуле, питаясь кровавыми ошметками, вываливающимися у нее из пасти. Но, в отличие от рыбки, для Клодин проезд не был бесплатным. Недолгим – это да. К счастью, Стив все делал быстро. И вечно извинялся за это. Упрекал ее в том, что она была слишком соблазнительна, слишком сексуальна. Она не обольщалась его лестью, но она бы соврала, если бы сказала, что ей не нравилось его внимание. Больше ведь он ничего ей не дал. За те несколько вечеров, что они провели вместе, она ни разу не смогла кончить. Все всегда происходило слишком быстро. Но даже если бы Стив и мог продержаться дольше, этого все равно никогда бы не случилось. Не важно, она спала с ним не для этого. Это были строго деловые отношения. Он ее трахал, а она взамен училась бизнесу – намного быстрее, чем если бы она просто работала агентом. Забавно. Она ведь почти забыла о нем. Кажется, возвращение в Монтагю-хаус было чревато воспоминаниями не только для Генри.

Но предаваться воспоминаниям было некогда.

– Если вам нужна мотивация, – продолжала она, – просто подумайте, что позже, когда Зара расскажет всему миру о том, как она влюбилась в Аспен, вы будете гордиться тем, что сыграли в этом определенную роль. Да, Луиза?

Луиза аж подпрыгнула, чуть не разлив кофе. По крайней мере, кружка была новая – предыдущая, с логотипом Берни, по настоянию Клодин куда-то исчезла. До чего же они утомительны, эти прогрессисты.

– Да. Согласно исследованию «Келтон Глобал»[17 - «Келтон Глобал» – консалтинговая фирма, специализирующаяся на исследовании потребительского рынка.], две трети людей руководствуются именно первым впечатлением, – отрапортовала Луиза. – У нас нет права на ошибку.

– Луиза, – сказала Клодин, – твоя работа на сегодняшний вечер – принимать у гостей пальто и сумки. Я не хочу, чтобы этим занимались официанты. У них много лишнего липнет к рукам.

– Я куплю по дороге еще вешалок, чтобы нам точно хватило, – сказала Луиза.

– Купи, только деревянных, конечно, а не дешевых пластиковых, – уточнила Клодин. – Рашида, я хочу, чтобы ты присматривала за братьями Альпайн. Они там – строго для декора. Исключительно, чтобы добавить местного аромата. Открывать рот они должны только затем, чтобы есть. Так что держи их у стола с мясными закусками и подальше от Зары.

– Будет сделано, – сказала Рашида.

– Элис, ты подтвердила доставку цветов?

– Да, – ответила Элис. – Все доставили. Фикусы на входе, суккуленты на кофейные столики, орхидеи на камин.

– Джон, – сказала Клодин, – две вещи. Во-первых, не слишком кокетничай с миссис Тигельман. Чуть-чуть можно. Мы хотим, чтобы она была довольна. Но не слишком, чтобы не расстраивать капитана. Он тоже должен быть доволен. Они оба очень важные клиенты. И второе. Мне нужно, чтобы ты еще принес немного… угощений. На случай, если Заре захочется чего-нибудь более… зажигательного.

– Есть идеи, что ей нравится?

– Принеси разных.

– Похоже, нам обещают снежок на вечер.

– А реальный снег нас не смущает? – спросила Рашида. – Там совсем скверно на улице. Что, если дороги станут непроездными? Нас не волнует, как Зара потом доберется до своего отеля?

– Ты уверена, что волнуешься за Зару, а не за себя? – прищурилась Клодин.

Рашида смутилась и опустила глаза.

– Хотите, я просчитаю частоту выездов снегоочистителей и распыления соли в нашем районе, просто чтобы быть уверенными? – спросила Луиза.

– Нет, – огрызнулась Клодин. – Погода не испортит нам этот вечер.

В ее словах прозвучали одновременно и гарантия, и угроза в адрес земной атмосферы.

– Натали.

– Да, мэм. – Армейская привычка, от которой Натали никак не могла избавиться, сколько бы Клодин ее ни бранила за это. Клодин презирала формальность. От формальности веяло старостью.

– Натали, если ты сегодня вечером назовешь меня «мэм» перед Зарой, я тебя уволю.

– Конечно, мэ… Клодин.

– Ты должна все проконтролировать. Пройдись по всему дому и проверь, чтобы все было на местах. Диванные подушки взбиты. Центральный камин полон дров. Все скатерти убраны со столов.

– Мы терпеть не можем скатерти, – сказала Натали.

– Дом должен выглядеть как наш Аспенский замок Виндзор.

– Вы имеете в виду Букингемский дворец? – спросила Джулс.

– Нет, – ответила Клодин. – Выходные королева проводит в Виндзоре. Такой личности, как Зара, нужно много домов. Она никогда не переедет сюда насовсем – слишком далеко. Монтагю-хаус – это идеальный второй дом. Тот, в который – в гуще ее хаотичной жизни, и не важно, раскланивается она на сцене в Токио или убегает от папарацци по улицам Цюриха, – она будет хотеть вернуться, сбежать

от всего. И отдохнуть наконец.

Именно в этот момент Клодин обратила внимание на то, как оделась Джулс. На ней было зеленое вязаное платье с длинными рукавами, все в маленьких снежинках.

– Ты и вечером будешь в этом платье?

– Оно такое праздничное! – воскликнула Джулс. В отличие от остальных она никогда не подавала виду, что боится Клодин. Возможно, такому самообладанию ее научила йога. Оно же проявлялось в ее почти каллиграфическом почерке. Записочки, которые она оставляла агентам, сообщая о пропущенном звонке, всегда выглядели так элегантно. И поэтому для Джулс у Клодин было специальное задание.

– Мне надо, чтобы ты написала номерки для «Тайного Санты». А вообще-то, я назначаю тебя главной во всем, что касается игры. Убедись, что длинный дубовый стол стоит в гостиной так, что его всем видно. Ты же будешь сразу забирать у всех подарки. Гости не должны сами ставить их на стол. Иначе все будут знать, кто что принес.

– Ясно, – сказала Джулс.

– Зара играет? – спросил Джон.

– Да, – ответила Клодин. – Имейте в виду две вещи. Во-первых, если она заберет ваш подарок – не обижаться. Джон.

– В прошлом году, похоже, все просто ополчились на меня.

– И во-вторых, ни в коем случае никто из вас не забирает подарок у Зары. Понятно?

Все кивнули.

Клодин смотрела поверх голов, в окно, на мгновение загипнотизированная падающим снегом. Метель и в самом деле усилилась. Возможно, Рашида была

права. Если все они окажутся запертыми в доме и Заре придется провести ночь в компании этих чудиков, она точно передумает покупать. Надо будет все делать в темпе, два часа на все про все – максимум. Клодин снова обратилась к своей команде:

– Пожалуйста, запомните все: да, сегодня мы устраиваем вечеринку, но для нас это все равно работа. Развлекайтесь, но не увлекайтесь. Пейте умеренно.

В этот момент дверь распахнулась, и вошел Генри. Он выглядел устало. Едва на всех взглянув, он пошел прямо через кухню, в свой кабинет.

Генри

Господи, от яркости офиса у Генри заболели глаза. Белые стены – белое все – и вдобавок белая простыня снега за окном – ослепили его. Прищурившись, он посмотрел на Клодин в дальнем конце коридора, на измученных подчиненных, окруживших ее. Ему стало их жаль – чувство было относительно новое. Раньше он считал их клеем, который скрепляет агентство, но с недавнего времени он мог только благодарить бога за то, что его кабинет оказался так далеко от их жутких совещаний. От нее. Он не мог больше слышать ее указаний, ее наставлений по использованию различных манипуляторных практик. Ему показалось, что он смотрит в длинную подзорную трубу: он с одной стороны, а все остальные, уменьшенные, застыли на том конце.

Он никогда не замечал раньше, что буквально каждое слово, сказанное Клодин, служило ее интересам. Теперь он не замечал ничего другого. Да, их финансовые проблемы сейчас были серьезнее, чем когда-либо, но ее согласие продать Монтагю-хаус изменило все. Они же договорились никогда не оглядываться. Неужели она всегда была такой? Маленькие откровения наслаивались друг на друга, выводили его из равновесия. Они так долго были командой. Он знал, когда двое так близки, как они, вместе работают, вместе живут, тяжело заметить перемены. Возможно ли, что он никогда не замечал, какая она была на самом деле?

Суровая реальность заключалась в том, что они находились сейчас на той стадии, что наступает в любом длинном браке. Они существовали на разных

частотах, но в конце концов всегда находили друг друга. Всегда. Хотя сегодня он был рад тому, что ее кабинет был на другом конце офиса. Важнейшее решение, принятое им в прошлом году во время ремонта, – разделить две начальственные головы, чтобы наблюдать за процессом с разных сторон. По крайней мере, тогда он думал, что верит в это. Однако сейчас Генри спрашивал себя, не мог ли он – подсознательно – уже тогда пытаться создать необходимую дистанцию между ними, выделить себе пространство быть самим собой.

Скинув свои «сорелы», он поставил их на полку для обуви за дверью и надел рабочие тапки. Затем, прежде чем кто-либо успел его окликнуть, резко повернул направо и прошел через кухню, по коридору, в безопасность своего кабинета.

Дверь закрылась.

Жалюзи опущены.

Пискнул телефон.

«Рада, что ты вернулся. Полегчало немного?»

Джулс. Всегда такая заботливая. Все знали, что он ей нравится. И Генри был осторожен, особенно в последнее время. Он никак не мог допустить, чтобы его слова или действия были истолкованы неверно, перевернуты. Кроме того, он не Стив. Джулс ничего не угрожало, и она была с ним честна. Он не собирался подвергать серьезному анализу единственное светлое пятно в своей жизни. Ее повышенное внимание поднимало ему настроение. Она была так не похожа на Клодин. Во-первых, она смешила его. Конечно, влюбляться в подчиненных было не в его стиле, и он не собирался начинать. Но почему бы не побаловать себя немного? Кто знает, а может быть, он ошибался на ее счет? Помимо всего прочего, он ни за что не желал попасть в неловкое положение, и он не вынес бы отказа. Ему хватало имеющегося чувства стыда… И все же подобные соображения не мешали ему проводить с ней как можно больше времени.

Ему с трудом верилось, что Джулс появилась в агентстве всего несколько месяцев назад, так эффективно она работала. Потерянная для йога-сообщества, она, несомненно, стала приобретением для «Кэлхун+Кэлхун». В последние

недели они с Генри часто оставались в офисе допоздна. Официально – для работы над новым проектом, заинтересовавшим чету Флиннов, хотя было очевидно, что они просто наслаждались обществом друг друга. Ее легкость позволяла Генри отдохнуть от напряжения, которое Клодин приносила с собой в любое помещение, где бы ни появлялась. Они заказывали себе бургеры из «Гриля 520» и говорили обо всем на свете, кроме работы. Генри рассказывал о новых скандинавских зданиях, которые привлекли его внимание; восхищался умением архитекторов сочетать энергоэффективность с использованием природных материалов в дизайне. Она рассказывала о книжках, которые прочла, о том, как она чередовала классику с триллерами. Им было комфортно и легко перебирать темы, большие и маленькие. Кто производит лучшие лыжные штаны. Определение счастья. Что лучше – «Доритос» или «Читос». Их разговоры текли, как карамельная масса в машине, разноцветная и тянучая, переплетаясь снова и снова, пока не слились в один.

Между ними возникла особая близость, определить которую они и сами бы затруднились. За все эти годы Генри ни разу не испытывал такого сильного желания поделиться с кем-нибудь своей тайной. Он дразнил себя этой мыслью, набирал воздуха в грудь – и неизменно останавливался каждый раз, когда слова уже готовы были сорваться с языка. С чего бы он, вообще, начал? Нет. Никогда. Тем более Джулс. Так нельзя – взять и вывалить на нее те чувства, что он испытывал. Это напряжение. Этот стресс. Ему казалось, будто кто-то давит ему на плечи, пытаясь смять его, как алюминиевую банку от пива. Давно уже ему так сильно не хотелось выпить. Так дальше продолжаться не может, это просто неприемлемо.

Легкий стук в дверь – и в образовавшуюся щель заглянула Джулс.

– Привет, – сказала она, – я решила лично тебя проведать. Ты в порядке?

– Просто устал. Настроение не то чтобы рождественское.

– Не то чтобы праздничное, – поправила она его. – У нас тут инклюзивная контора. Мы же не хотим обидеть потенциальных клиентов.

– Ты быстро учишься.

Джулс заправила прядь волос за ухо – она всегда так делала, когда нервничала. И только тогда он обратил внимание на ее платье. Пораженный, он даже слегка смутился.

– Зачем ты надела платье с черепами? – спросил Генри.

Их были десятки. Сотни. Крохотные черепушки. И все они, казалось, пялились на него. Он слышал, как они хихикали, но потом сообразил, что смеялась Джулс.

– Черепа? – переспросила она. – Это же снежинки.

«Господи, – подумал Генри. – Соберись. Соберись, черт бы тебя побрал». Он выдавил из себя смешок.

– Похоже, меня ждет офтальмолог.

– Послушай, – сказала она, – я понимаю, что происходит.

– Нет, – ответил он. – Не думаю.

– Ты нервничаешь, потому что тебе придется снова идти в тот дом.

Генри оцепенел от ужаса. Откуда она могла знать? В каком-то из ночных разговоров – неужели он проговорился ей, а потом забыл? Уже не в первый раз он забывает что-то фундаментальное, способное изменить жизнь. И какое у него теперь оправдание, если он даже не пьет?

– Ты боишься снова увидеть свой первый дом. Боишься, что будешь разочарован. А если учесть, сколько времени прошло, – ты боишься почувствовать себя старым. Черепа? Я ни разу не психолог, но здесь, по-моему, все очевидно.

Генри с облегчением рассмеялся. И тем не менее то, что она сказала, было не лишено смысла. Он подозревал, что Джулс считали не слишком умной, Клодин – так точно, и зря. Она была не просто умной – она была мудрой.

– Лично я, Генри, – сказала Джулс, – жду не дождусь, когда увижу дом. – Она редко обращалась к нему по имени, и его удивило волнение, вдруг охватившее

его. – Я столько про него слышала, столько раз ездила мимо, столько фотографий видела. Но фотографии не могут передать всей красоты. Я так благодарна за эту возможность побывать там.

И Генри был рад, что она там будет. Ее присутствие и ее энтузиазм, возможно, помогут ему выдержать этот вечер.

Он сделает все, что хочет Клодин. Он будет улыбаться. Он проведет для Зары экскурсию, покажет все уникальные особенности дома. Как и сотни раз за все эти годы, он притворится гениальным архитектором на вечер. А потом, завтра, он все бросит. Ну что ему стоит притвориться, что все в порядке, на сколько там – на пару часов? Пусть Клодин будет счастлива. Продай дом. Продай – и больше никогда, никогда не вспоминай о нем. Это был хороший план. Единственный план.

– А еще мне ужасно любопытно посмотреть на твой подарок для «Тайного Санты», – сказала Джулс. – Могу поспорить, он роскошный.

– Не говори «роскошный», – сказал Генри. – Это словечко Клодин.

Джулс улыбнулась, но потом посерьезнела. Генри не шутил. И смотрел сурово. Он не хотел, чтобы она хоть что-то подцепила от Клодин, не хотел, чтобы она заразилась.

– В любом случае я уверена, что мой подарок произведет переполох, – сказала Джулс. – Я трудилась над ним почти с тех пор, как начала тут работать. Элис и Натали нарассказывали мне всяких ужасов про прошлые года. Что люди, которые приносили посредственные подарки, после этого особо не задерживались в агентстве. Поэтому я так тщательно его выбирала. Чтобы выделиться наверняка.

«Ты всегда выделяешься, Джулс», – хотел сказать Генри. Почему он не мог? Не мог осмелиться? Он подобрался к самому краю той воображаемой границы, которая проходит между безобидным флиртом и осознанным соблазнением. Почему он не мог ее перейти?

– Клодин, – сказал Генри. – Ты ей, наверное, уже нужна. Увидимся в Монтагю-хаусе.

Джулс улыбнулась и вышла, закрыв за собой дверь.

* * *

Мы были вместе всего несколько месяцев, но это была настоящая любовь.

Мы встретились на третий день после того, как он появился в городе. Хотя формально я увидела его на улице еще на день раньше. Я шла по Галене, по одной стороне, а он двигался в противоположную сторону – по другой. Солнце светило ярко, он щурился, откинув густую черную прядь с лица. Он выглядел потерянным. И таким красивым. Я подумала, что это молодой актер, восходящая звезда, заехал к нам отдать уважение старшим товарищам, перебравшимся сюда на покой. Он повернул и нырнул в хозяйственный магазин, и я подумала, что, наверное, никогда его больше не увижу.

А на следующий день, во время одного из знаменитых наших весенних ливней, он зашел в закусочную, чтобы переждать дождь и выпить кофе. Вот и все. Мы сразу разговорились. Он был сезонным рабочим, переезжал из штата в штат, в основном занимался уборкой урожая, а в Аспене ему повезло – его наняли пасти скот. Квартировал он у мистера Миллера, на холме. Я пару раз видела мистера Миллера, он был спокойный и старый. Казалось, он был рад появлению Томми.

Свободное от работы на ранчо время Томми проводил в закусочной. Сидел за дальним столиком, пока я работала, пил кофе. Он обожал книги. Все время читал какие-нибудь мемуары. Он сказал мне, что любит читать про судьбы великих людей, потому что его собственная казалась ему такой незначительной. Очевидно, у него был богатый внутренний мир, и если бы ничего не случилось, ему предстояла бы жизнь, полная открытий. Но он не всегда был таким серьезным, и веселиться он тоже умел. Закладки в книжках у него всегда были из сухих цветов, во многом благодаря повсеместному изобилию диких аспенских подсолнухов, да и склоны холмов в окрестностях Баттермилка были покрыты ковром фиолетовых люпинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Zillow – онлайновая база данных недвижимости. Trulia – риелторский сайт, дочерняя компания Zillow. Redfin – онлайновое риелторское агентство.

2

Lather Salon – элитный парикмахерский салон в Аспене.

3

Джонбенет (ДжиБи) Патрисия Рэмси (англ. JonBenet Patricia Ramsey) (1990–1996) – победительница детских конкурсов красоты в США, была убита в 1996 году в возрасте шести лет. Несмотря на многочисленные версии и домыслы, убийца или убийцы Рэмси так и не были найдены.

4

Леста?т де Лионку?р – персонаж из серии романов Энн Райс. Вампир, главный герой большинства «Вампирских хроник».

5

Берк Рэмси – старший брат Джонбенет.

6

Братья Эрик и Лайл Менендес – в 1989 году застрелили своих родителей, Хосе и Китти Менендес, смотревших телевизор в своем особняке в Беверли-Хиллз. Поначалу братьев, которым на тот момент было 18 и 21 год, в совершении преступления никто не подозревал. Расследование зашло в тупик. Но затем Эрик признался своему психологу в совершении убийства. Об этом признании узнал Лайл и стал угрожать психологу расправой, если тот заговорит. Психолог, в свою очередь, рассказал об угрозах своей сожительнице, а та сообщила в полицию.

7

Эндрю Филлип Кьюненен – серийный убийца, жертвой которого стал в том числе модельер Джанни Версаче.

8

Имеется в виду программа «12 шагов», описанная в книге «Анонимные алкоголики» и написанная первыми членами сообщества Анонимных Алкоголиков.

9

«Американская история преступлений» (англ. American Crime Story) – американский криминальный сериал-антология, основанный на реальных событиях. Райан Мерфи – сценарист, режиссер и продюсер.

10

Ха?нтер Сто?ктон То?мпсон (1937–2005) – американский писатель и журналист, основатель гонзо-журналистики, наиболее известен как автор романа «Страх и отвращение в Лас-Вегасе».

11

Имеется в виду актер Джонни Депп, сыгравший капитана Джека-Воробья в «Пиратах Карибского моря» и действительно друживший с Томпсоном.

12

Зара намекает на «гонзо-журналистику» (от англ. gonzo – «чокнутый», «рехнувшийся»), стиль, отличающийся весьма субъективной манерой повествования, ведущегося от первого лица.

13

74 градуса по шкале Фаренгейта, принятой в США, соответствует 23 градусам по Цельсию.

14

Знаменитый мюзикл о жизни государственного деятеля Александра Гамильтона, одного из отцов-основателей США.

15

Лин-Мануэль Миранда – композитор, певец, актер, драматург. Автор мюзикла «Гамильтон».

16

Американский политик левого толка. Наряду с Хиллари Клинтон – один из главных претендентов на роль кандидата от Демократической партии на президентских выборах в США в 2016 году.

17

«Келтон Глобал» – консалтинговая фирма, специализирующаяся на исследовании потребительского рынка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/arnet-o_trish/taynyy-santa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить